

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

г. Москва

ПИСАТЕЛИ рядом с *сильной*

О Станиславе Юрьевиче Куняеве

Впринесенном мне Станиславом Юрьевичем Куняевым журнале «Наш современник» (№ 3 за 2002 год) начал читать воспоминания Михаила Петровича Лобанова «На передовой», имеющие подзаголовок «Из опыта духовной автобиографии». В помещённых здесь главах он вспоминает о шестидесятих годах – том времени, когда «всё происходившее в стране в идеологии подводило к черте, за которой должны были реально определиться противостоящие силы. Официальная идеология с её «пролетарским интернационализмом», в сущности, оборачивалась космополитизмом, потворствовала русофобии во всех её видах под предлогом борьбы с «русским шовинизмом». Естественно, всё это не могло не вызывать противодействия в русской патриотической среде...»

Мне кажется, он написал очень важную книгу, которая должна хоть немного уравновесить собой ту псевдомемуарную литературу, которую выплеснули на головы и души читателей со сво-

его «демократического балкона» А. Вознесенский, Е. Евтушенко, А. Яковлев, А. Янов и другие представители этого круга, не могущие говорить о патриотах иначе как брызгая желчью и называя их «черносотенцами» или в лучшем случае – «охотнорядцами». Я уже давно говорю всем нашим, в том числе и Валерию Николаевичу Ганичеву, что если они не хотят, чтобы литературоведы третьего тысячелетия изучали наше время по книгам одних только «западников», то они должны срочно писать свои воспоминания о прошедшей эпохе. Но пока что это сделали только Куняев да вот теперь ещё – Лобанов...

* * *

Сегодня я остался дома и по поручению руководителя нашего Союза писателей России Валерия Николаевича Ганичева писал поздравление Станиславу Юрьевичу Куняеву с его 70-летием. Вот что у меня из этого получилось:

«Дорогой Станислав Юрьевич! Секретариат Правления Союза писателей России, а с ним и

все Ваши патриотически мыслящие современники поздравляют Вас с этой столь неожиданно наступившей, но столь единодушно всеми отмечаемой датой Вашего семидесятилетия! Жизнь поэта протекает бурно и непредсказуемо, но, оценивая прожитые Вами годы, невозможно найти ни одного недостойного или низкого поступка, всё в ней подчинено беззаветному служению Поэзии, сотворению Судьбы и возвеличению России. Именно они – *ПОЭЗИЯ, СУДЬБА И РОССИЯ* – являются теми главными тремя китами, спины которых послужили фундаментом не только Вашей блистательной автобиографической книги, но и всей Вашей жизни.

Даже не верится, что семь десятилетий человеческой жизни могут уместить в себе столько сделанного! Кажется, одной причастности к сохранению «Нашего современника» за глаза хватит для того, чтобы считать свой приход в этот мир оправданным, а ведь были в Вашей жизни ещё и стихи, была уникальная книга о Сергее Есенине, которую Вы написали вдвоем со своим сыном, была великолепная мемуарная проза, заслужившая Большую литературную премию, была работа в Правлении Союза писателей России, многочисленные поездки по стране, выступления, была, в конце концов, многолетняя борьба за торжество русской идеи и русской культуры...

Хотя почему это, собственно говоря, – «была»? Ведь всё перечисленное выше принадлежит вовсе не прошлому, а настоящему, тому, что происходит с нами сегодня. Живы Ваши книги и стихи. Жив оберегаемый Вами «Наш современник». Жив собирающий под свою руку всех пишущих русичей Союз писателей России (точь-в-точь как вынесенные на обложку Вашего журнала Минин и Пожарский, собиравшие под свою руку воинов). И они – на равных участвуют в продолжающейся борьбе за Отечество, за его великую культуру и бессмертную душу.

Что пожелать Вам в день Вашего семидесятилетия? Новых книг? Здоровья? Долгой жизни? Личного счастья? Не изменяющих и не предающих друзей?.. Конечно, всё это само просится с языка и рвётся из сердца, так что остаётся только поднять заздравные бокалы. Но сильнее всего мы желаем Вам увидеть нашу Родину – Россию такой, за какую Вы все эти годы сражались. *СВОБОДНОЙ ОТ НЕЧИСТИ. МОГУЧЕЙ И НЕ УНИЖЕННОЙ. ВЕЛИКОЙ И СЧАСТЛИВОЙ.*

Да поможет Вам в этом Бог!»

* * *

...А сегодня к ночи я закончил писать статью о трёхтомнике Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия», который мне недавно передал возле метро «Марьино» критик Павел Басинский. Работа у меня чуть-чуть выползла за рамки пяти заказанных им страниц, но сократить её никак не получается. Диапазон куняевских мемуаров широк и разнообразен необычайно, при этом он то и дело касается таких сложных тем, как «русский патриотизм» и «еврейский вопрос», так что стоит только обрубить какую-либо фразу или даже полфразы в моей рецензии, и это может привести к тому, что акцент в высказанной мною оценке сделанного Куняевым будет смещён вовсе не на то, что я имел в виду, оценивая его трёхтомник. Впрочем, вот моя статья в её полном виде, так что можете сделать выводы сами:

РЕПОРТАЖ С СУДЬБОЙ НА ШЕЕ

«Эта книга была в равной мере обречена и на успех, и на скандал, они были запрограммированы в ней, как праздник и похмелье, как красота розовых бутонов и колючие шипы на их стеблях или же как боль от выдираемого стоматологом зуба и осознаваемое одновременно с ней чувство избавления от мучений.

Да, собственно говоря, разве и могло быть по-другому с жанром, представляющим собой заведомо субъективный взгляд пишущего на события, в которых участвовало множество других (причем ещё не умерших на момент опубликования мемуаров) людей, имеющих об этих самых событиях такое же заведомо субъективное – и кардинально отличающееся от взгляда мемуариста – мнение? Не удивительно, что скандал разразился сразу же, едва только в печати начали появляться отдельные главы книги воспоминаний Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия», воссоздающей не столько, может быть, биографическую канву жизни самого поэта (хотя в ней немало места уделено и его родословной, и непосредственно годам становления личности будущего руководителя «Нашего современника»), сколько – идеологическую, мировоззренческую и творческую атмосферу всей его эпохи. Такие скандалы, по сути дела, являются почти неизбежным побочным эффектом самого, так сказать, мемуарного жанра, они случаются практически всегда, когда читатель ищет в чужих вос-

поминаниях прежде всего *СЕБЯ*, а не запечатленное в них мемуаристом *ВРЕМЯ*. «Неправда! – кричит он в возмущении. – Дырка была у меня не на левом носке, а на правой перчатке! Это недопустимое искажение исторической правды!» – и в качестве сатисфакции требует опубликования опровержения в прессе. Я хорошо помню, сколько негодования, возмущения и споров вызвали в своё время напечатанные в «Новом мире» художественные мемуары Валентина Катаева «Алмазный мой венец», в которых под различными кодовыми именами (командор, мулат, птицелов, королевич, ключик и т.д.) были изображены окружавшие писателя в юности классики молодой советской литературы – Маяковский, Пастернак, Багрицкий, Есенин, Олеша и другие. И что бы там кто ни говорил и не писал об этой книге, а для меня она и по сей день остаётся одной из самых горячо любимых и перечитываемых. Потому что мне, честно говоря, не так уж и важно, кто именно из поэтов 20-х годов, работая в «Окнах РОСТА», подкладывал себе по совету Маяковского под голову полено вместо подушки (чтоб надолго не разоспаться) – мне важно то, что ни после какой другой мемуарной книги мне не хочется с такой силой писать самому, как после «Алмазного венца», в котором Катаеву с необыкновенной живостью удалось передать творческую атмосферу своей эпохи. Да, он оставил в стороне политику и ни словом не упомянул о происходившей в те времена травле крестьянских поэтов, но зато блестяще показал, что начало XX века в России было похоже на бурлящий творческий котёл (чего не скажешь о начале века XXI, хотя мы вроде бы и находимся в формально схожих исторических ситуациях), и эта неудержимая созидательная энергия ещё и сегодня переплёскивается через края его книги, заряжая читателя жаждой самостоятельного творчества.

Вот и изданная «Нашим современником» книга воспоминаний Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» (третий том которой – «Шляхта и мы» – появился отдельным изданием в конце 2002 года) произвела примерно такой же эффект, вызвав одновременно и бурный восторг, и раздражение, и возмущенные критические окрики по своему адресу. Причём ладно бы негодование исходило со стороны одних только идейных противников автора, что было бы и предсказуемо, и понятно, но ведь обиделись в первую очередь представители своего же лагеря, так сказать, сторонники и соратники, – и вот уже известнейший наш русский художник и не менее из-

вестный русский поэт¹ хором заявляют, что эпизоды, в которых они изображены в куняевских воспоминаниях, описаны вовсе не так, как это запомнилось им самим, а потому всё это ложь, и они разрывают с автором отношения.

Но зато уж и положительные отзывы, полученные на публикацию журнальных глав книги, были написаны на самом высоком градусе благодарности: «Уважаемый Станислав Юрьевич! Только что закончил читать Вашу книгу воспоминаний. Переживаю просто бурю чувств... Через неё пришло осознание того, что честное, правдивое слово – главный рубеж обороны русского самосознания»; «Мы, русские люди, читаем Вас, истинно русского, и прозреваем, и вдохновляемся. Заново открываются глаза»; «Из множества превосходных качеств у книги есть одно, может быть, самое удивительное и даже мистическое, она будит даже не национальное самосознание, а буквально – инстинкт Родины...»

Не знаю, может быть, это прозвучит и гипотетически, но думаю, что вряд ли подобные отклики возможны в адрес книг мемуаров А. Вознесенского или же книги Е. Евтушенко. Да и упомянутая мною выше мемуарно-художественная повесть В. Катаева тоже вызывает эмоции совсем другого рода – они будят в читателе жажду творчества, тоску по культуре, стремление к восприятию действительности через художественные образы, но уж никак не *ИНСТИНКТ РОДИНЫ*. Да было бы, пожалуй, и странно, если бы дело обстояло иначе! Ведь что греха таить, правда глазами патриота и правда глазами демократа – это (и этого сегодня просто нельзя не видеть) две субъективно разные правды, не только очень мало похожие одна на другую, но и открыто противоборствующие между собой, а порою так даже и взаимоперечёркивающие друг друга. Однако (и этого сегодня тоже нельзя не понимать) только их *СУММА* оказывается способной дать представление о той правде, которую можно назвать более-менее полной или объективной, потому что, как бы ни был нам интересен сам автор воспоминаний, а главным героем его книги является все же не он, а единственно такой персонаж как «слово времени». И в изображении этого слова Станислав Куняев находит куда более запоминающиеся образы, чем многие из тех, кто подвизался одновременно с ним на ниве современной мемуаристики.

¹ Речь идёт об Илье Глазунове и Владимире Фирсове, высказавших резкое несогласие с некоторыми из описанных в книге С.Ю. Куняева эпизодов.

Так, например, вспоминая о самоубийстве маршала Ахромеева, не выдержавшего разрушения того строя, которому он служил всю свою жизнь, он пишет: «На сороковой день после его смерти, когда родные и друзья пришли на Троекуровское кладбище, то увидели посреди разрытой и оскверненной могилы тело маршала, выброшенное из гроба. Маршалский мундир, в котором его похоронили, был украден. Вот так начиналась историческая жизнь нового режима – мародерством и расправой с мертвым Героем Советского Союза, солдатом Великой Отечественной...»

Или же вот – не менее запоминающийся и по-лемически заостренный фрагмент, посвященный воспоминаниям Куняева о встречах с дочерью И.В. Сталина – Светланой Аллилуевой: «Частенько на чугунных узорчатых лестницах и переходах филфака на Моховой я встречал рыжеватую, хрупкую женщину, некрасивую, но какую-то ладную, с быстрой походкой и внимательным, сосредоточенным взглядом... Даже при жизни отца она не приезжала на Моховую ни на каких машинах, не было рядом с ней никакой охраны, и любой из нас мог подыматься по чугунным лестницам рядом с нею, сидеть за одним столом в библиотеке, стоять в очереди к буфету... А кто из вас видел «вживе» какую-либо из дочерей Ельцина, кто сталкивался в общественном транспорте с сыном Лужкова или дочерью Березовского? Вот вам и материал к размышлению об «открытом обществе», о нравах при диктатуре и при демократии...»

Однако же свести содержание куняевского трехтомника единственно к обличению сегодняшней власти в России – значило бы не увидеть в нем чуть ли не девяносто процентов того, ради чего он, собственно говоря, и написан. Потому что намного сильнее множества других мотивов выделяются в этой книге две такие ярко выраженные (и без всякого преувеличения – остро сюжетные) линии, как борьба за становление русской национальной литературы (особенно ее поэзии) и борьба за становление русской национальной государственности, составляющие смысл жизни как самого С. Куняева, так и того довольно широкого круга пишущих, который сформировался не без его участия вокруг редакции журнала «Наш современник». К сожалению, большая часть того поколения, главная проблема которого укладывается в вопросе «А кто бежит за «Клинским»?», даже не представляет себе, что в течение последних десятилетий XX века

произнести в Москве фразу «Я – русский!» было почти так же рискованно, как если бы это сделал, к примеру, в Берлине штурмбанфюрер Штирлиц. Печально, но факт: русофобия – это никакой не вымысел, а реально диагностируемая в России болезнь, весьма тесно переплетающаяся с неоднократно поднимаемым Куняевым на протяжении всех трёх томов книги «еврейским вопросом» (одна из глав его воспоминаний так и называется «Русско-еврейское Бородино»).

Наверное, размышляя над трёхтомником С. Куняева, можно было бы обойти эту опасную для всякого пишущего тему и ограничиться разговором об одной только литературной составляющей его мемуаров, тем более что это действительно самая интересная из её слагаемых, включающая рассказы о многолетней дружбе и встречах с такими писателями, как Владимир Соколов, Вадим Кожин, Николай Рубцов, Анатолий Передреев, Борис Слуцкий, Александр Вампилов, Евгений Евтушенко, Игорь Шкляревский, Эрнст Портнягин, Федор Сухов, Татьяна Глушкова и многие, многие другие. Да чего стоит одна только глава о композиторе Георгии Свиридове! Не случайно кто-то из читателей книги назвал её в своём отклике «новейшей историей с подлинными событиями и людьми, которые на слуху» – она и впрямь похожа на переполненный народом ЦДЛ, в котором всё никак не закончится та, начатая тридцать лет назад, дискуссия «Классика и мы», к которой органично примыкают размышления о творчестве Осипа Мандельштама, Владимира Солоухина, Николая Клюева, Эрнеста Хемингуэя...

И всё-таки этой книге бы не было (по крайней мере, в том её виде и значении, как теперь), если бы на душе её автора самоубийственным грузом не висел жернов неукротимого и безоглядного патриотизма, дававшего ему смелость, «в отличие от многих литературных соратников», сделать в своей судьбе ставку «на независимость» и не бояться ни подвергнуть критике творчество революционного поэта-классика, ни написать в ЦК КПСС письмо об опасности сионистских проявлений в русской культуре, ни опубликовать в прессе отрицательную статью о кумире толпы – Высоцком...

Надо признать: книга Станислава Куняева читается на одном дыхании, как захватывающая остросюжетная трилогия, кипящая нешуточными страстями и кровавыми, смертельными схватками. Переворачивая её последнюю страницу, чувствуешь себя не просто обогащённым новыми фактами, но наполненным высочайшим ду-

хом патриотизма и неудержимой жадой совершить что-нибудь полезное для Родины, русского народа и русской культуры. До такой степени, что первое время даже и не замечаешь, что прошедшая перед твоими глазами история идеологической битвы за Россию оканчивается её полнейшим поражением. Вот она – торжествующая в трёх томах Куняева русская идея, а вот – сразу же за обложкой его книги – поверженная на обе лопатки страна, с подступающими к её границам натовскими базами, утекающими за границу мозгами и капиталами да вымирающим (вариант: вымерзающим) народом. Который, насколько я понимаю, меньше всего думает сегодня о том, чтоб в доме было что читать, и больше всего о том, чтоб было что считать. Хотя именно это-то (и Куняев это отлично чувствовал!) как раз и низводит великие народы мира до уровня просто среднестатистического *НАСЕЛЕНИЯ*.

(И поверьте: в запасе у Куняева имеется ещё немало литературных работ, которые заслуживают насколько искренних восторгов, настолько же и откровенных споров...)

Есин и его дневники

... **Р**аскрыл как-то один из последних номеров литературного журнала «Московский Вестник». Больше всего любя мемуарную и эссеистскую прозу, я по привычке принялся читать журнал сразу с «Дневника» Сергея Есина. Хотя должен признать, что литературной атмосферы в нём становится всё меньше и меньше, а всевозможного побочного «мусора» всё больше и больше. Вот, например, кусочек текста о том, что этой «литературе» в жизни Сергея Николаевича сопутствует: «Кормили в самолёте: гуляш с макаронами, салат овощной с майонезом, солёная сёмга и рыбный паштет, булочка белая и кусок чёрного хлеба, масло и плавленый сырок, два свежих пряника, кофе или чай... Сразу после взлёта давали вино, пиво, соки и минеральную воду...» А вот – ещё одно упоминание о литературе: «Вечером читал газеты Саши Проханова «Завтра» и «День литературы». Очень самодовольный Володя Бондаренко ведёт диалог с Юрой Поляковым. Оба чрезвычайно любят себя и занимаются скрытой рекламой своих сочинений...»

(К слову сказать, газета «День литературы» давным-давно уже не «Саши Проханова», а «Володи Бондаренко», ну да Бог с ним... – **Н. П.**)

А вот опять – о быте: «В 4 часа, как и договори-

лись, пили кофе у Людвиг Легге... Хозяйский яблочный пирог был превосходный. На столе стоял и чудесный покупной торт со взбитыми сливками. Особенно мне никто не предлагал, но я умудрился съесть два куска этой немецкой «шарлотки». В отличие от нашего варианта, здесь тесто внизу. Под яблоками...»

Вот Сергей Николаевич заносит в дневник впечатления от пребывания на церемонии вручения Букеровской премии: «Через Букера, который нынче называется *SMIRNOFF БУКЕР*, я постепенно знакомлюсь с лучшими ресторанами города. Нынче это *MOSKOV MARIOTT GRAND HOTEL*. Нынче кормили: «Коктейль из тигровых креветок подаётся с рагу из авокадо и манго и свежей зеленью»; «Равиолли, начинённые шпинатом и копчёным лососем, подаются с сырным крем-соусом, приготовленным с добавлением водки «*SMIRNOFF*» и красной икрой»; «Обжаренная телятина на косточке подаётся с рататутем, луком шалот и итальянской полентой»; «Шоколадное безе под апельсиновым соусом, приготовленным с добавлением водки «*SMIRNOFF*»; «Кофе или чай. Домашняя мини-выпечка».

И (как приговор, что ли, этой теряющей вес премии?) некое ассортиментски-гастрономическое резюме: «Икры в чистом виде, как в прошлый раз в «Метрополе», не было...»

И при этом по всему тексту «Дневника», как зелёный горошек по поверхности салата оливье (уввы, до более изысканных кулинарных сравнений мой жизненный опыт не поднимается), рассыпаны самооценки типа: «Я хорошо выступил в самом начале», а также полные тексты поздравлений в свой адрес с днём рождения и тому подобные вещи. Надо полагать, что исследователи литературы начала третьего тысячелетия будут от подобной информации в восторге.

Впрочем, что ж? Как гласили висевшие во всех советских магазинах и столовых объявления: «Клиент всегда прав» и «Требуйте долива пива после отстоя». Иначе какая это и в самом деле литература, если не было «икры в чистом виде»?..

* * *

Оглядываясь на свои собственные книги, Сергей Николаевич Есин сам признавал, что до романиста у него не хватает пороха, и с этакой хитрецей вопрошал: «Но, с другой стороны, может быть, протоколы и есть первооснова любого романа?»

Может, кто с этим спорит...

Хотя надо признать, встречаются в прозе Еси-на фразы, которые говорят, что он мог бы стать и поэтом. Ну, хотя бы такие, какими он описывает церковь Рождества в Иерусалиме: «Строгий, похожий на космический шум, треск свечей, грозная тишина присутствия Бога...»

Или вот такие две цитаты (обе, кстати, связанные с именем Создателя). Первая: «А разве каждая душа – это не семя Бога, жаждущее нового воплощения?..» И вторая: «Для меня всегда было загадкой, что есть Бог, ибо Он мог родиться только из любви. Значит, сначала была любовь?..»

Снял с полки другую его, ещё не прочитанную мной книгу и посмотрел оглавление. Уже сами названия подтверждают сделанное только что наблюдение о его таланте не романиста, а – мемуариста: «Мемуары сорокалетнего» (повесть), «В родном эфире» (Из записок бывшего преуспевающего чиновника), «Отступление от романа, или Сезон засолки огурцов» (педагогические этюды и размышления.)

* * *

По дороге домой читал в метро опубликованный в журнале «Проза с автографом» дневник Сергея Есина за июнь-сентябрь 2000 года и, наряду с чисто эстетическим удовольствием от чтения, находил в нём подтверждения своим предыдущим наблюдениям. Дневник – это именно тот жанр, где Есин раскрывает своё творческое дарование наиболее полно. Да он и сам признает это, отмечая однажды, что не поехал на свою любимую дачу только по той причине, что его пригласили в этот день на юбилей Константина Райкина, и пропустить это мероприятие значило – нарушить «обязательства перед дневником». При этом Сергей Николаевич (или же просто – С.Н., как он сам называет некоторых из описываемых в своём дневнике персонажей) то и дело подчёркивает: «Проза у меня, как всегда, только о себе», «Я из собственной жизни делаю роман» и так далее. В дневниках он пришёл к своему любимому жанру в полной чистоте, без всяких там сюжетов и вымышленных героев...

Неугомонный Дёгтев и его проза

В газете Владимира Бондаренко «День литературы» опубликован большой рассказ воронежского писателя Вячеслава Дёгтева – это

очень талантливый автор, но, вместо того чтобы осмысливать нынешнюю действительность, он гонится только за оригинальными сюжетами, а потому как-то всё время рубит сплеча, не замечая того, как его проза, словно топор мясника, четвертует ещё живую реальность. Вот и в напечатанном в «Дне литературы» рассказе «До седла!» он идёт по этому же пути – популяризирует в художественной форме псевдонаучные идеи академика Фоменко о том, что вся наша история выдумана древнерусскими летописцами да позднейшими историками. «На самом же деле, – утверждает Фоменко (а Дёгтев эту ересь для усиления своего рассказа обильно цитирует), – Невской битвы, по всей видимости, не было, а уж тем более – Ледового побоища... Александр Невский, по всей видимости, – чистой воды миф. Прототип Невского – Царь Золотой Орды непобедимый предок наш батяка-Батый, при одном упоминании имени которого трепетала вся Европа. А монголо-татары – это мы с вами, русские и казаки...»

Вот такая, как видим, утверждается «научно-академическая» гипотеза, главным доказательством в которой выступает постоянно употребляемое выражение – «по всей видимости». Так не потому ли, что он прекрасно осознаёт шаткость и самой этой гипотезы, и опирающегося на неё рассказа, Вячеслав Дёгтев прилепил в конце своего повествования угрозу-запугивание для тех, кто посмеет высказать о нём своё критическое мнение? «А которые станут хулить написанное или подвергать сомнению – тех да постигнет суровая кара Михаила-Архистратига и Георгия-Победоносца, предстоятелей казачьего воинства, и да поразится всяк хулящий огненным копием во имя сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа, да святится во веки Имя Его, аминь», – подстраховал он себя запугиваемой будущих критиков угрозой.

Не думаю, что Господь и Его архистратиги могут выступать в качестве защитников фальсификаторов истории, карая при этом тех, кто вступится своим словом за правду. Тем более что, если принять за основу хронологический метод периодизации истории академика Фоменко, то окажется, что и Сам наш Спаситель, и все Его Святые – это тоже «по всей видимости» только «чистой воды мифы», тогда как на самом деле их прототипами, мол, были какой-нибудь Папа Римский или кто-нибудь совсем другой. Так что это ещё вопрос, кого поразит огненное копие...

* * *

...Только я собрался уходить из правления Союза писателей, как приехал Евгений Шишкин – главный редактор журнала «Нижний Новгород», который издал часть дневников Сергея Есина.

Задержался я с ним чуть ли не на час, говорили о литературе, о делах в Нижнем, а потом поехали в ЦДЛ – мне там нужно было забрать оставленные для меня книги, а Евгений захотел купить журнал «Проза с автографом», где был напечатан прочитанный мною недавно дневник Есина за июнь-сентябрь 2000 года, в котором, как я успел рассказать ему, упоминался и он.

Дорогой опять говорили о литературе, в частности – о Вячеславе Дёгтеве и Юрии Полякове. Я сказал, что Дёгтев может менять стили и темы, как компьютер шрифты: может изобразить текст «ижицей», может «нюю роман каром» – владеет всем с одинаковым профессионализмом и одинаковой холодностью чувств. При этом всегда очень непросто понять, оправдывает он своих персонажей или обвиняет, любит или ненавидит, и вообще – что хочет сказать моделируемой ситуацией и на чьей стороне находится он сам.

* * *

Сегодня весь секретариат нашего Союза писателей отправился первым рейсом скоростной электрички от Москвы до Ясной Поляны (остановка «Козлова Засека»), где я через два с половиной часа встретил приехавших туда день назад на ежегодные толстовские чтения Валентина Курбатова, Бориса Евсеева, Михаила Петрова и Владимира Личутина. Там же был и воронежский прозаик Вячеслав Дёгтев, который успел надрать в пристанционном садике небольших кисловатых яблочек и угощал ими всех встречных, уверяя, что в них содержатся атомы самого Льва Толстого. «Он же тут столько раз бывал, ожидал поезда, что же он – ни под одну яблоню ни разу не п...ссал? Так что его атомы наверняка присутствуют в этих яблоках», – с деловым видом объяснял он свою гипотезу...

* * *

Вячеслав скончался 16 апреля 2005 года в Воронеже. Я знал его, мы не раз с ним встречались, он был на пять лет младше меня, но выглядел намного крупнее и мощнее, прямо как настоя-

щий медведь-богатырь. Да и энергия из него была ключом – он невероятно много писал, много печатался, пробивая свои рассказы во все существующие издания, получил несколько престижных премий, часто появлялся в Москве, стараясь не пропустить ни одной возможности появиться на сцене. Он любил пиарить себя и выступал то с дерзкими манифестами, то со скандальными интервью, поэтому я даже не сразу поверил, что информация о его смерти – это правда, а не какой-то очередной розыгрыш и не пиаровская акция. При всей кощунственности такого предположения, Дёгтев был способен и на такой ход... Хотя Вячеслав Огрызко, которому я позвонил, чтобы развеять свои сомнения, сказал, что это всё-таки скорее всего правда...

Вечером я написал на смерть Вячеслава Дёгтева некролог. Слава был непростым и очень «заноцистым» человеком, переругался со всеми воронежскими писателями (за что был снят с учёта в Воронежской писательской организации), выступал с провокационными манифестами и заявлениями, обижающими его сегодняшних коллег по перу, писал скандальные рассказы. У нас с ним были нормальные товарищеские отношения, хотя я и выступал несколько раз с критическими рецензиями на его произведения. Да и как мне было этого не делать, если в одном из своих рассказов он изобразил игуменью православного женского монастыря, которая чуть ли не в алтаре трахалась со своим любовником (прости, Господи!), а когда он к ней охладел и бросил её, пошла и повесилась (!) на его воротах. Другой рассказ был посвящён эпизодам давно минувших лет и нещадно извращал нашу русскую историю, иллюстрируя её в соответствии с «гипотезой академика Фоменко», – т. е. называл хана Батюя казачским атаманом Батяней и подменял смысл исторических событий вольной фантазией.

Имя Дёгтева просто слышать не могли в воронежском журнале «Подъём», хотя в то же время его охотно печатали многие другие российские издания. Так что написание некролога на его смерть оказалось делом нелёгким, и в результате у меня получилось следующее:

Слово о Славе

«Скорбная весть пришла из города Воронежа, где на 46-м году жизни неожиданно для всех скончался известный русский прозаик Вячеслав Дёгтев. Крупный писательский талант

сочетался в нём с независимым дерзким характером, и это не всегда нравилось тем, кто работал с ним рядом. Его литературные манифесты многих раздражали, его рассказы вызывали споры, его поведение и высказывания казались иногда демонстративно неэтичными и даже оскорбительными.

И тем не менее это был большой русский художник слова, самобытный и яркий рассказчик, сумевший запечатлеть в своих книгах многие нелицеприятные и горькие черты современной российской истории. Впрочем, он писал также и о хорошем – к примеру, о любви. Он писал обо всём, что составляет нашу жизнь и историю. О героях и о бандитах, о самоотверженных возлюбленных и о шлюхах, о Чечне и о Сербии, о дне сегодняшнем и о временах Батыя, о монахинях и о солдатах, о своих сегодняшних собратьях по литературе и о юном Шолохове – трудно даже сказать, к чему он не прикоснулся в своём творчестве.

Не всегда написанные им тексты выражали почтение к изображённым в них персонажам, не всегда психологический или художественный анализ можно было назвать глубоким, но зато созданные им произведения никогда нельзя было спутать с рассказами другого автора. Проза Дёгтева была узнаваема и неповторима, начертанные им картины и сюжеты надолго оставались в памяти и заставляли читателя самостоятельно доосмысливать выхваченные автором из жизни ситуации. Это значит, что, отрываясь от своего создателя, его рассказы жили уже своей самостоятельной жизнью, продолжая вести тот непростой разговор с миром, который Вячеслав только намечал в своих книгах несколькими яркими штрихами. У настоящего писателя этот разговор с читателем не заканчивается никогда...

Осознавая невозвратность состоявшейся утраты, секретариат правления Союза писателей России выражает искреннее соболезнование всем родным и близким покойного и скорбит о преждевременно оборвавшемся творческом и жизненном пути талантливого писателя».

Не знаю, может быть, в некрологе и не стоило акцентировать внимание на негативных моментах творчества умершего и его «неудобного» для многих характера, но без этого всё сказанное мною было бы фальшью. Читатель эту фальшь сегодня мгновенно улавливает – он ведь читал Дёгтева (тот печатался больше Распутина!), знаком с его манифестом, в котором Слава перече-

ркнул всю русскую классическую и современную литературу, оставив в ней только себя, читал его злые, а порою так и просто кощунственные рассказы и нелицеприятные для многих писателей интервью, так что если мы сейчас распустим слюни и начнём причитать, какой от нас ушёл хороший и милый писатель, то этому просто никто не поверит. Читатель и без того почувствовал воцарившуюся в нашей литературной среде фальшивинку, а потому и откачнулся от литературы, в которой прежде видел свою духовную водительницу и учительницу. Так что, наверное, лучше здесь всё-таки быть стопроцентно искренними и называть вещи своими именами. Самому Славе Дёгтеву от этого уже ни холодно ни жарко, а репутация Союза писателей вследствие расплывчатости наших позиций может пошатнуться. Мы ведь называем себя «совестью нации», провозглашаем приверженность правде. Вот мы и должны быть сегодня принципиальными втройне – как в своих юбилейных речах, так и в прощальном слове...

Читая Валентина Распутина

Поклонники творчества Валентина Григорьевича Распутина наверняка обратили внимание на некоторое изменение, произошедшее в 1990-е годы в поведении, казалось бы, привычных для распутинской прозы персонажей. Они начали очень длинно говорить. На первый взгляд, длина произносимых литературными героями фраз – вещь в художественном произведении далеко не самая главная, ибо важнее бывает то, *ЧТО* именно говорят герои, а не *КАК*. И тем не менее кое на что может указать и сам характер изложения мыслей персонажей. Так, если перепасовка короткими репликами в диалоге служит не столько для высказывания собственных мыслей беседующих, сколько для выявления мнения собеседников – то есть является признаком умения (и желания) слушать *ЧУЖОЕ МНЕНИЕ*, то длинные монологи – это скорее речь для *САМОГО СЕБЯ*, наболевшая необходимость высказаться, освободить душу от накопившейся в ней горечи.

Именно таким – наболевшим – многословием и отличаются от своих предшественников персонажи рассказов В. Распутина «Женский разговор» («Москва», 1995, № 7) и «В ту же землю...» («Наш современник», 1995, № 8). Плоды горьких размышлений – это последнее, что осталось у

героев рассказов от их жизни, последнее, что еще не отнято у них нашим бездушным временем, поэтому и сдержат это многословие им попросту невмогуту.

«— Время настало такое провальное, всё сквозь землю провалилось, чем жили, — говорит Пашута, вынужденная из-за отсутствия денег хоронить умершую мать «подпольно», выкопав ей могилку за городом, чтоб никто не знал. — Ничего не стало, — продолжает она. — Встретишь знакомых — глаза прячут, не узнают. Надо было сначала вытравить всех прежних, потом начинать эти порядки без стыда и совести. Мы оттого и прячем глаза, не узнаём друг друга — стыдно... стыд у нас от старых времен сохранился. Всё отдал добровольно, пальцем не шевельнули... и себя сдали. Теперь стыдно. А мы и не знали, что будет стыдно».

Понятно, что всё это произносится вовсе не для просвещения персонажа-собеседника, а только для облегчения собственной души, а собеседник способен всё это понять и сам, и даже произнести свой собственный монолог на эту же тему. И он — в данном случае это старый друг Пашути Стас из рассказа «В ту же землю...» — его произносит:

« — ...Я тебе скажу, чем они нас взяли, — не отвечая, взялся он рассуждать. — Подлостью, бесстыдством, каинством. Против этого оружия нет. Нашли народ, который беззащитен против этого. Говорят, русский человек — хам. Да он крикун, дурак, у него средневековое хамство. А уж эти, которые пришли... Эти — профессора! Академики! Гуманисты! Гарварды! — ничего страшней и законченней образованного уродства он не знал и обессиленно умолк».

Долгий — на целую ночь! — монолог ведёт в рассказе «Женский разговор» старуха Наталья, рассказывая блудной внучке Вике историю своей любви.

Приняв в самое сердце все беды сегодняшней России, Валентин Распутин не может не говорить об этом прямо, открытым текстом, из-за чего его произведения постоянно «перетекают» в публицистику. Публицистичны, как речи на политических митингах, монологи многих его героев, публицистична речь и самого автора — особенно там, где он касается описания гибнущей сибирской деревни или возведенного на великой реке алюминиевого завода, отравляющего собой окружающую среду.

Нет места публицистике только в рассказе Распутина «По-соседски» («Москва», 1995, № 7),

но в нём нет и признаков сегодняшнего времени вообще, а есть только характеры действующих лиц. Причем лица эти настолько действующие (пьют, кидают в огород соседа пустые бутылки, затем ищут в глубоком снегу заброшенную по случайности вместе с пустыми одну непечатую бутылку водки и т.д.), что им некогда произносить длинные монологи, и они разговаривают так, как и герои прежних произведений Распутина. Многословие персонажей — это в первую очередь признак нарушения быта, выбитости из привычной колеи жизни, требующей объяснения ситуации хотя бы самому себе. Там же, где жизненные ценности остаются прежними (даже если это и водка, хотя в рассказе Распутина, конечно, речь идет о гораздо большем — о ценностях самих человеческих отношений), где завтрашний день не несёт с собой противоречий законам дня сегодняшнего, там речи героев служат им только средством коммуникации и не берут на себя функции газетных статей.

Таким образом, получается, что самым лучшим с художественной точки зрения является рассказ «По-соседски», где фактически полностью отсутствует вторжение политической темы. Но в то же время самым отзывчивым в сердце является рассказ «В ту же землю...», сама фабула которого сильнее всяких прямолинейных высказываний героини на темы политики передает трагедийность нашего «провального» времени. Отсюда само собой вытекает желание увидеть рассказ «В ту же землю...» написанным так, как рассказ «По-соседски» — легко, без отягощающих его монологов и обличительной публицистичности самого автора. Зачем это, если судьбы героев и драматические коллизии сюжета уличают нынешнее время в губительном бездушии сильнее любых аргументированных обвинений?..

...Валентин Распутин очень тяжело выбирался из пут публицистики, которой было отдано не одно миновавшее десятилетие. Но его творчество исходило не от заигрывания с западным миром и не от озлобленности на отечественную историю и свой народ, а от искренней, лишающей сна и аппетита любви к России и её людям.

Валентин Распутин не пишет романов на вселенские темы и не перебеливает наново мировую историю, но каждый из его рассказов произрастает из той же родной почвы, что и «Уроки французского» или «Прощание с Матёрой», а это говорит о том, что почва эта ещё и сегодня оста-

ется плодоносной, способной питать литературу высшей художественной и жизненной правдой. А значит, и литературные открытия следует ожидать именно на этом (или максимально близком к нему) направлении.

* * *

В 2003 году в правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13 произошло обсуждение новой повести известного прозаика Валентина Григорьевича Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». Патриотические литературные и читательские круги уже давно хотели услышать художественное слово Валентина Григорьевича, выступавшего в последнее время в основном и редко, и какими-то небольшими и малохудожественными произведениями – публицистическими статьями или рассказиками. И вот – полновесная художественная повесть, опубликованная в этом году в журналах «Сибирь» и «Наш современник».

Первое, чего нельзя не заметить в новом произведении Распутина, – это его откровенная сюжетная перекличка с нашумевшим ранее фильмом Станислава Говорухина² «Ворошиловский стрелок», в котором трое отморозков насилуют чистую и невинную школьницу, а затем преспокойно откупаются от суда и продолжают на глазах у всего городка свои циничные пиршества. Видя бездействие и бессилие нашего правосудия, дед оскорблённой девушки покупает на чёрном рынке снайперскую винтовку и сам выносит приговор подонкам...

Примерно то же происходит и в повести Валентина Распутина, только здесь за поруганную честь дочери мстит мать, которая изготавливает из ружья обрез и, видя, как суд собирается отпустить насильника на свободу, осуществляет над ним заслуженную кару. Однако, как это всегда и бывает у Распутина, повесть его растекается гораздо шире обозначенного сюжета и заставляет думать не только о сути произошедшего с героиней, но и о том, что происходит со всем русским народом. Ведь если в фильме Говорухина всё чётко поделено на «чёрное» и «белое», то в повести Распутина всё уже далеко не так просто и однозначно. Да, его Светка подверглась грубому насилию со стороны азербайджанского торговца, но ведь незадолго до этого она сама бросила школу и, окончив какие-то курсы, пыталась устроиться работать на рынок. Она ведь и со своим насильником поеха-

ла с той целью, чтобы он её устроил на работу к своему брату. И что – она или её мать не понимали, что рано или поздно ей придется лечь под кого-нибудь из кавказцев, как это делают практически все работающие на наших рынках женщины, боящиеся потерять своё место на лотке или в палатке? Ведь практически все российские рынки уже давно и прочно принадлежат «лицам кавказской национальности», которые осознают себя на нашей земле хозяевами, однако до тех пор, пока беда не коснётся кого-нибудь из нас лично, никто их не стреляет... В том-то и заключается принципиальная разница между фильмом Говорухина и повестью Распутина, что насилие в «Ворошиловском стрелке» носит, так сказать, разовый характер – обладание девушкой необходимо пьяным подонкам только сейчас, в данный момент, и после удовлетворения своих животных потребностей она им становится абсолютно без надобности, тогда как изнасиловавший Светку торговец в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и не думает её утром отпускать, требуя, чтобы она родила ему сына, и вообще относясь к ней уже как к своей собственности. Это и есть та самая характерная черта, которую подметил в сегодняшних «хозяевах жизни» Распутин: всё, к чему прикасается грязная лапа торгаша, превращается в его собственность – рынок, женщина, власть, Россия...

Надо заметить, что в повести Валентина Григорьевича вообще очень много символики. Символично уже само её название – «Дочь Ивана, мать Ивана», восходящее к тому же принципу, который мы видим и в приводимом евангелистом Матфеем родословии Иисуса Христа: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его», – и так далее. Стремление вписать героев своего повествования в хронологию Большой Истории – это черта, характерная как для авторов Библии, так и для древнерусских летописцев, и, давая своей повести название «Дочь Ивана, мать Ивана», Валентин Распутин как раз и пытается показать этим неразрывную цепь продолжения человеческого рода, непрерывный процесс бытия и одновременно с этим – роль своей героини в этом процессе.

Затем: необычайно жаркий весенний день в повести Распутина не может не напомнить нам

² Известный кинорежиссёр, депутат, общественный деятель. (Умер 14 июня 2018 года.)

собой другой, необычайно жаркий весенний день, описанный в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – и эта переключка, подчеркивание этой необыкновенной жары, её акцентирование писателями кажется отнюдь неслучайностью, так как жар – это не что иное, как символ ада, и авторы как бы сразу настраивают нас на то, что нас впереди ожидает встреча с представителями этого inferнального места. И действительно – то, что случается далее, ничем иным, как бесовщиной, назвать нельзя, причём это касается не только событий романа Булгакова, но и того, что совершается в повести Распутина. Разве надругательство над чистотой – это не есть дело рук беса?..

Самое страшное в повести Валентина Распутина – то, что мы должны быть чуть ли не благодарны насильнику Светланы, так как только прямое надругательство над девочкой оказалось способным разбудить в её матери (да и в нас самих) чувство протеста против засилья чужеземцев в России и попрания ими всех основ нашей жизни. Если бы этого не случилось, все так бы и продолжали спать, терпя воцарение кавказцев...

Жаль только, что повесть Валентина Григорьевича написана несколько длинновато и от этого кажется довольно-таки статичной и немного скучной – из-за этого она сильно проигрывает фильму Говорухина, да и вообще немного выпадает из того, что называется современной литературой.

* * *

В одном из очередных номеров «Дня литературы» напечатан мой обзор последних литературных журналов, но, к сожалению, он оказался немного подсокращённым, и при этом не вошла именно та часть, где я говорю о рассказе Валентина Распутина «В непогоду». Хотя я-то как раз больше всего и хотел высказаться именно по поводу этого рассказа! И вовсе не потому, что Распутина нельзя обойти молчанием по причине его известности, а потому, что этот небольшой рассказец просто-таки требует, чтобы о нём было прилюдно поговорено. Ибо Распутина нельзя читать как любого другого автора (и я особенно отчётливо понял это после прочтения его повести «Пожар», в которой до деталей оказалось предсказано всё то, что происходило потом на Чернобыльской АЭС, а несколько позже и по всей России) – поскольку он уже давно, сам того, может быть, даже не ведая, пишет не рассказы, а

главы некоего Русского Откровения, в своеобразной притчевой форме показывающие, что нас ожидает в нашем шествии сквозь Историю. Поэтому и рассказ «В непогоду» нельзя воспринимать как очередное описание увиденного писателем бурана (да мало ли мы читали подобных описаний, чтоб нас ещё можно было этим удивить?), поскольку в нём описана не столько метеорологическая, сколько, я бы сказал, астрологическая картина, показывающая, что происходит с нашим Отечеством сегодня и что его ожидает в его футурологическом завтра. Да – сегодня на нашу Родину обрушилась страшная мировоззренческая буря: она с треском ломает дубы нашей традиционной культуры и духовности, расшатывает наши хлипкие идеологические и экономические жилища и, как говорит одна из героинь распутинского рассказа, «так и норовит тебя сдуть с земли», но пройдёт ещё какое-то время, и однажды утром...

«Утром, когда я очнулся и выглянул в окно, весь мир был укутан в снег и тишину. Всё было погребено под удивительно белым и чистым, в застывших волнах, снегом. Как будто ничего и не было, как приблизилось от болезненных дум...»

Белое и чистое – это краски Святой Руси, которая, слава Богу, никуда не исчезла, а просто пока что не видна нам за заслонившим всю жизненную перспективу ураганом. Верить в неё и стремиться дожить до неё, не осквернив свою душу унынием и забвением дарованных нам ранее свыше символов прекрасного, – этому-то как раз и учил (и продолжает учить!) своего читателя таким простым с виду рассказом как «В непогоду» Валентин Григорьевич Распутин.

* * *

Жизнь на сломе исторических эпох и формаций – это прямой повод художнику говорить с потомками и Богом о смысле нашего прихода на эту Землю. К сожалению, я сегодня не могу назвать почти ни одного романа или повести, которые бы приковали к себе моё внимание исследованием таких же глубин, какими отличались произведения русских писателей в XIX и XX столетиях. Слава Богу, что в течение нескольких последних лет появлялись (равнозначные по своей нравственной силе православным проповедям) хотя бы рассказы Валентина Распутина, но ехать на спине одного Валентина Григорьевича для современной русской прозы уже, честно говоря, и мало, и, в общем-то, откровенно стыдно...

* * *

...А 23 мая 2004 года в городе Орле состоялся XII съезд Союза писателей России, от которого у меня сильнее всего запомнилось только несколько слов из довольно горькой речи Валентина Григорьевича Распутина, с откровенной болью произнёсшего, что уже «никогда не вернётся золотой век русской литературы, да и серебряный тоже. Будет другая литература. И писать нам надо так, чтобы нас не могли не читать...»

* * *

А мы должны жить, не забывая нашего великого писателя и его глубоких произведений. Ведь Валентин Григорьевич Распутин – это совесть нашей нации, и всю свою жизнь он говорил с нами непросто о нашей русской природе, но обо всей нашей России, для нас и о нас. И вот теперь пришло время нам говорить о нём. Хотя для нас он до сих пор остаётся живым и всегда находится с нами рядом:

*Эпохи узел груб и не распутан.
Народ живёт, таясь, как в блиндаже.
Но скажет слово тихое Распутин –
и как-то легче станет на душе.*

*Он – не астролог. Он не Павел Глоба.
Но скажет слово – и поверю я,
что, как трёхдневный Лазарь, вновь из гроба
восстанет Русь воскресшая моя!..*

□

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ родился в 1954 г.
Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького
по жанру критики и литературоведения.
Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики,
также множества публикаций в периодике.
Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого
и Большой литературной премии России.
Член редакционного совета журналов: «Всерусский соборъ» (С.-Пб),
«Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии»,
всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.
Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, Казахстана,
США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.
Член Международной федерации журналистов,
Международной ассоциации писателей
и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.
Секретарь правления Союза писателей России.
Живёт в Москве.

